

Книжное обозрение
Book Reviews

DOI: 10.31857/S020596060027159-6

**СКРЫДЛОВ А. Ю. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТАТИСТИКА
В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1802–1852).
СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, 2022. 282 с.
ISBN 978-5-91155-171-1**

ПИВОВАРОВ Евгений Григорьевич – Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, д. 5; эл. почта: pivovaro@mail.ru

Монография сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Андрея Юрьевича Скрыдлова «Административная статистика в дореформенной России (1802–1852)» – результат многолетних архивных изысканий¹. Мастерство ученого в работе с первоисточником – главное достоинство работы. Названия разнообразных

учреждений, описания документов, умозаключения, бытовавшие в историографии, были перепроверены. Некоторые из них уточнены (например, см. с. 33–34). Автор считает, что для объективной оценки систем учета сегодня необходимо изучить их зарождение, видоизменение, восприятие их деятельности современниками: «Государственные органы статистического учета <...> в настоящее время непрерывно реформируются, изменяются методики расчетов ключевых <...> показателей, что сказывается на уровне доверия общества к официальным <...> данным» (с. 9).

В первой части книги, состоящей из четырех глав, рассмотрен генезис и эволюция статистических подразделений министерств полиции, внутренних дел и государственных имуществ. Проанализированы предпосылки организации этих ведомств, их нормативно-правовая база, кадровый состав и основные направления деятельности. Рассмотрена

¹ Исследователь работал преимущественно с фондами Российского государственного исторического архива: ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета), ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД), ф. 1290 (Центральный статистический комитет МВД), ф. 1263 (Комитет министров), ф. 398 (Департамент земледелия Министерства земледелия). В работе процитированы документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Научном архиве Русского географического общества, Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук.

трансформация взглядов сановников империи на ценность статистических данных при принятии управленческих решений. Уточнена роль К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, К. С. Веселовского, А. П. Заблоцкого-Десятовского в развитии этой области знания.

Вторая часть — собрание документов, «раскрывающих сложный процесс институционализации административной статистики в России» (с. 21). Подборка включает 27 документов, из них 23 ранее не издавались; они оформлены автором в соответствии с действующими нормами археографии. Картина развития административной статистики в рассматриваемый период была бы полнее, если бы автор дал оценку аналогичной деятельности других центральных государственных учреждений — Министерства финансов, Главного управления путей сообщения, военного ведомства.

Статистические ведомства организовывались для получения «богатого хранилища» проверенных данных, необходимых для «соображений по всем частям государственного делопроизводства»². Но в реальности нехватка кадров, отсутствие мотивации у исполнителей, должного финансирования, бюрократический хаос, засекреченность информации, многие другие причины не дали в полной мере реализовать запланированное: «Как на центральном, так и на местном уровне степень интенсивности статистических исследований находилась в прямой зависимости от личной заинтересованности

конкретных чиновников <...> работы регулировались отдельными, часто не связанными между собой министерскими предписаниями. Фрагментарная законодательная база не содержала строгого разграничения <...> функций между ведомствами, вследствие чего одни и те же данные собирались разными органами из разных источников, не сличались и порой противоречили друг другу» (с. 266).

Во введении дается краткий очерк состояния органов административной статистики в других европейских странах: Табельной конторы, основанной в 1756 г. при содействии Академии наук в Стокгольме; Справочного бюро, существовавшего с 1796 г. при Министерстве внутренних дел Франции; прусского Статистического бюро, образованного в 1805 г. в Берлине, и т. д. Историк заключает: «...на протяжении первой половины XIX в. российские <...> учреждения развивались в русле европейских тенденций. Предлагаемые высшей бюрократией и российскими учеными пути их развития перекликались либо прямо заимствовали европейские организационные модели» (с. 11). В первой главе упоминаются проекты, созданные внутри империи: «Кабинетколлегиум» А. А. Курбатова 1721 г., «Контора» А. Л. Шлёцера 1764 г., «общество дворян» В. П. Кочубея 1802 г., записки М. Н. Баккаревича 1811—1812 гг. (с. 25—31).

Автор обращает внимание на филиацию идей: Шлёцер — Герман (с. 38—39), Герман — декабристы (с. 42—45) и К. И. Арсеньев (с. 78—79). Однако для подобных междисциплинарных работ желательно расширить исследовательский горизонт, четче показать, как, когда и главное почему те или иные доктрины и институции

² См. документ № 2. Проект записки о собрании при Государственной канцелярии статистических сведений и о составлении статистики Российского государства [1810—1811 гг.].

были заимствованы. «У меня было убеждение, — вспоминала Юдифь Хаимовна Копелевич о работе над своим классическим трудом, — что нельзя писать историю нашей академии, не зная истории других»³.

Важно учитывать, что термин «статистика» в рассматриваемый период имел иное наполнение, чем в наши дни. Им, как правильно отмечает автор, обозначали особую ветвь знания — государствоведение, «совокупность “государственных достопримечательностей” — разнообразных сведений о природном, демографическом, политическом, экономическом состоянии государства» (с. 9). Наряду с описательным, свойственным еще XVIII столетию подходом все большее влияние на умы приобретало численное направление, или политическая арифметика. Его адепты полагали, что описание жизни государства с помощью количественных показателей дает более широкие, чем прежде, возможности для обобщения, сопоставления и анализа.

Ученый-статистик в это время занимался и обществоведением, и науками о природе, естествознанием. Еще в середине XVIII в. А. Ф. Бюшинг начал вводить элементы статистики в географические описания. «Обозрения» различных стран и регионов обязательно включали наблюдения и обобщения, сделанные натуралистами⁴. Так, «проект плана для составления статистики

Российского государства», написанный по приказу М. М. Сперанского в 1810—1811 гг., открывался географо-биологической справкой: «Часть первая. Общая топография государства. Положение, границы, климат, пространство, моря, заливы, реки, каналы, озера, горы, степи. Качество земли. Произведения природы. В царстве животном, в царстве прозябаемом, в царстве ископаемом» (с. 174).

Создание первых центров изучения статистики долгое время оставалось вне поля зрения историков науки и государственных учреждений: «Анализ историографической ситуации показывает, что, несмотря на обилие работ по истории статистических учреждений Российской империи, внимание исследователей традиционно концентрировалось на изучении наиболее продуктивного периода их деятельности, который пришелся на вторую половину XIX в.» (с. 19). Первая попытка написать историю статистического изучения России была сделана К. Ф. Германом⁵. В русле государствоведения выполнены труды И. А. Гейма, Е. Ф. Зябловского, А. Г. Ободовского, А. П. Рославского. В пореформенный период наблюдался всплеск интереса к статистике и ее истории. Однако десятки очерков, созданных любителями в рамках специальных комитетов, носили преимущественно «компилятивный характер».

Молодые либералы, протеже великого князя Константина Николаевича, президента ИРГО, понимали необходимость коренной реформы сложившейся системы. Готовые решения

³ «Мне очень свойственно сомнение...» интервью с Ю. Х. Копелевич // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 4. С. 109.

⁴ См., например: Ханьков В. Я. Статистическое обозрение Австрии // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. 19. № 1. С. 156—176.

⁵ Герман К. Ф. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского Государства. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1817.

опять искали на Западе. 24 августа 1858 г. Е. И. Ламанский, отправленный Географическим обществом в Европу, писал вице-президенту общества Ф. П. Литке: «Я изучал таким образом устройство главной машины официальной статистики в Англии *Registry Office*. Здесь я видел, как ведется просто и аккуратно до мелочи то, что называется у нас метрическими книгами, составляемыми каждым дьяком по своему крайнему разумению. Здесь же я познакомился с техникою народной переписи»⁶.

«По мере <...> перехода <...> от описательных методов к числовой аналитике, — анализирует автор, — в историографии возобладал скептический взгляд на результаты ведомственной статистики первой половины XIX в.» (с. 13). Так, А. А. Кауфман заключал: «...русская академическая статистика, в самом деле, внесла очень мало своего в развитие в России статистической теории и методологии. Приблизительно то же самое можно сказать и о нашей административной статистике. В ее истории <...> был только один непродолжительный период яркого расцвета, за которым последовало тридцать лет, можно сказать, окончательного увядания»⁷.

Прекращение исследований, посвященных истории вопроса, в первые десятилетия советской власти автор связывает с ленинскими оценками системы учета в Российской империи. Он приводит яркую цитату

⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 30 (Разряд XXX). Оп. 1. Новые дела. № 39. Л. 31, 33.

⁷ Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806—1917. Историко-критический очерк. М.: Центральное статистическое управление, 1922. С. 46—47.

из его «Предисловия к русскому изданию брошюры “К. Каутский. Нет больше социал-демократии!”»: «...у нас имеется лишь лживая, неряшливая канцелярски-путаная статистика разных “ведомств”, скорее заслуживающая названия полицейской отписки» (с. 16). Серия его работ⁸, критикующих «уродство» имперских учреждений, стала «богатым хранилищем» цитат для ниспровергателей «буржуазной» науки.

Только в годы оттепели советские ученые обратились к истории статистического изучения России⁹. В 1960—1970-е гг. вопросом занимались Б. Г. Плошко, А. И. Гозулов¹⁰ и Н. К. Дружинин¹¹. Автор, увы, упоминает только автореферат докторской диссертации Плошко¹²,

⁸ Автор упоминает: Ленин В. И. К вопросу о задачах земской статистики // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 24. С. 274—281; Ленин В. И. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике: новые статистические подвиги профессора Карышева // Там же. 1967. Т. 4. С. 1—34; Предисловие к русскому изданию брошюры «К. Каутский. Нет больше социал-демократии!» // Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1947. Т. 10. С. 173—174; Ленин В. И. Статистика и социология // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 30. С. 349—356; Ленин В. И. Язык цифр // Там же. 1973. Т. 23. С. 427—432.

⁹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1; 1959. Т. 2.

¹⁰ Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М.: Статистика, 1972.

¹¹ Дружинин Н. К. Развитие основных идей статистической науки. М.: Статистика, 1979.

¹² Плошко Б. Г. Социально-экономическая статистика дореформенной России (1701—1861 годы): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Л., 1963.

не рассматривая саму работу. Между тем в ней ученый разобрал схожие сюжеты, подробно проанализировал материалы ревизий и губернаторских отчетов, разрабатывал дисциплинарную методологию.

Говоря же о современных исследованиях, было бы плодотворно обратиться не только к обобщающим работам, но и изучить публикации, посвященные биографиям ученых, занимавшихся этой дисциплиной¹³. Характерно, что в первой монографии Скрыдлова¹⁴ усилия А. Д. Балашева по организации Статистического отделения при министерствах полиции и внутренних дел не были подробно раскрыты. В рецензируемой книге не публиковавшиеся ранее источники из фондов Российского государственного исторического архива свидетельствуют о том, что именно министр полиции был одним из инициаторов создания этих подразделений (с. 31–38, 47–57)¹⁵.

¹³ См., например: *Матвиевская Г. П.* Яков Владимирович Ханьков. 1818–1862. М.: Наука, 2006.

¹⁴ *Скрыдлов А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016.

¹⁵ Полностью опубликованы: № 3 [Предписание министра полиции А. Д. Балашева о составлении плана статистической части. 20 марта 1811 г.]; № 4. Предписание министра полиции по статистической части. 23 августа 1811 г.; № 5 [Записка К. Ф. Германа о распределении работ по ученой части Статистического отделения. 27 августа 1811 г.]; № 6 [О назначении Германа начальником Статистического отделения]; № 7. Выписка из рапорта г-ну министру полиции от 15 мая [1812 г.]; № 8 [Новое образование Статистического отделения. 9 августа 1817 г.]; № 9. Главные правила, на коих основано быть имеет статистическое учреждение Российского государства. 19 июня 1818 г.; № 10 [Записка

Особый интерес представляют документы № 10 и 12. В первом – записке Балашева – впервые говорится о не потерявших актуальности и в наши дни вопросах: централизации статистических исследований, самостоятельности ведомства в государственном аппарате, привлечении научного сообщества к работам через создание Статистического общества. «Главная цель учреждения статистического, – по его мнению, – <...> должна быть та, чтобы доставить способы и удобность каждому занимающемуся, а особливо государственному чиновнику, получить основания, не гадательно принятые, но извлеченные из сведения, поскольку возможно на твердом основании постановленного, разобранного, выверенного, сравненного и обдуманного; так, чтоб место сие ответственность на себе имело, что выданное из оного сведение есть лучшее или достовернейшее из всех возможных по обстоятельствам, и чтоб оно всегда готово было доказать основательность сведения своего документами, в руках его находящимися, и следовательно, не затрудняя никого уже разбором начал сих, на что весьма часто не бывает довольно ни времени, ни возможности трудящимся» (с. 176).

Выдержки из отзыва В. П. Кочубея на проект можно было бы привести в качестве заключения рецензии. Он предлагал прямо противоположное планам Балашева:

Балашева «О Статистическом учреждении». 17 ноября 1819 г.]; № 11. Протокол заседания Комитета министров от 29 ноября 1819 г.; № 12 [Отзыв В. П. Кочубея на записку Балашева «О Статистическом учреждении». Ноябрь 1819 г.]; № 13. [Распоряжение Балашева начальнику Статистического отделения об отмене нововведений по статистической части. 18 декабря 1819 г.].

статистические подразделения следует развивать внутри отдельных министерств и ведомств, необходимо отказаться от централизованного обобщения сведений. «Правление российское» — не «небольшое германское владение, в коем исчитывается не только количество скотины, но и птиц дворовых». «Статистика, конечно, не образовала еще нигде государственных людей; она не входила никогда в число наук политических, необходимых <...> Великие мужи европейские, Кольберт, Сюлли, Ришелье, Мазарини, кардинал Альберони и пр., конечно, ничего не знали о статистике, ибо и наука сия вряд ли и известна была, между тем как были они, конечно, большие министры <...> Собственная история наша истину сию утверждает; сколько государственных людей она указывает нам со времени Петра Великого. Государственные люди суть те, кои таковыми рождаются. В них есть некоторый обширный вид; некоторое чувство, кое объемлет все, до государственных отношений принадлежащее. Никакое мелочное изыскание ни взгляду, ни мыслям их не представляется, и доселе не видели мы нигде, чтобы искусный министр был опытейший статистик, ни чтобы большой статистик был большой министр» (с. 183–185).

Еще Г. Ф. Миллер советовал Шлёцеру, автору одного из первых проектов организации статистических исследований в Российской империи, «не копать в государственных тайнах» (с. 26). Полвека спустя это можно было рекомендовать и наказанным по «делу профессоров» 1821 г. Герман и его коллеги были обвинены в «маратизме и робеспьеризме»,

«рассеянии пагубных семян неверия, богоотступничества и мятежных правил». Его труды были запрещены «в преподавании и употреблении» (с. 46). «Припадки статистики», охватывавшие центральные ведомства, на местах воспринимали как «ненужную роскошь» и «министерскую шалость». «Министерство внутренних дел <...> разослало такие программы, которые вряд ли можно ли было бы исполнить где-нибудь в Бельгии и Швейцарии; при этом всяческие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тем не собирались!), с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями <...> на собрание сведений денег не назначалось ни копейки; все это следовало делать из любви к статистике»¹⁶.

Даже во второй половине XIX в. часть чиновничества воспринимала подобные исследования как выдумку ученых, пригодную для Запада, для нас — «лишнюю и неудобоприменимую» (с. 265). «Тем не менее, — заключает автор, — можно констатировать, что к середине XIX в. на высшем уровне государственного управления возобладало понимание необходимости сбора статистических данных для эффективного проведения внутренней политики» (с. 265). Исследования, проводившиеся в отделениях министерств полиции, внутренних дел и государственных имуществ, внесли существенный вклад разработку планов Великих реформ.

¹⁶ Герцен А. И. Былое и думы. М.: Художественная литература, 1982. С. 245–246.